

ГОСУДАРСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

Т.В. Герасименко, О.Е. Авилова

Государственно-политическое учение Русской православной церкви в XX в. сосредоточено, главным образом, на обобщении церковной мысли предшествующих столетий, на ее развитии и приложении к существующей действительности, к государственным, политическим и правовым явлениям общественной жизни.

Находясь в контексте господствующих в XX в. отнюдь не церковных политико-правовых концепций, церковное учение было вынуждено многократно останавливаться на разъяснении религиозно-нравственной основы государственной жизни и в связи с этим на последствиях воплощения тех идей, которые эту основу отрицают. Так, протоиерей Иоанн Восторгов в 1907 г. писал, что «современные мудрецы, «освободители» и реформаторы» зовут к языческому государству, их идеалы – в вожделениях, которыми жило язычество. При этом языческое государство он понимал как царство исключительно мирское. Его патриотизм – только коллективный эгоизм. Его задача во внешних отношениях – показать и проявить свою силу. Внутри его задачи сводятся к тому, чтобы доставить своим членам как можно больше удобств и пользы мирской; и этот общий интерес, и это общее желание таких удобств и служат объединяющей силой для народа. Основы такого государства – чувство самосохранения в борьбе за существование и желание себе самому доставить возможно лучшее материальное существование на земле. Иное дело, когда государство является христианским. По христианскому воззрению, государство не есть цель, а только средство и богоданная среда для верующих, чтобы им пройти успешно свой земной путь к достижению вечных и святых целей человеческого существования. Таким нравственным целям подчиняется вся государственная жизнь, ими определяются государственное законодательство, государственный строй, реформы, общественные и государственные идеалы [1, с. 305–311].

Основываясь на идеале христианского государства, протоиерей Иоанн Восторгов критиковал современные ему политико-правовые концепции следующим образом: если государство чуждо религиозно-нравственного начала и характера, если оно – только хозяйственное предприятие или основанный только на взаимной выгоде и национальном эгоизме союз, а не среда для осуществления нравственного идеала христианской личности и высшего призвания христианского народа; если религия есть «частное дело» и не имеет ни малейшего касательства к жизни общества и государства; если нравственность не зависима от религии и церковь отделена от государства, а государство чуждо церкви; если царь не является орудием мироправящего промысла и орудием промысла в жизни данного народа; если правовые нормы не опираются на вечные и неизменные нормы нравственного закона, получающего содержание, освящение, силу и авторитет в законе живого, личного Бога; если право временно и условно, и каждый народ, каждое племя, каждый класс имеют свою нравственность и не обязаны проверять ее в зеркале закона Божия; если нравственная истина не остается истиною всегда и везде, а есть нечто относительное, изменяющееся соответственно росту и развитию общества; если власть царя есть только передоверие власти народа, если она ограничена и ограничима, если она в существе и в действовании зависит от изменяющегося каприза тех, кто вздумает назвать себя волеизъявителями народа как источника власти царской, если источник власти царя не в Боге, опора, цели, задачи и высшая ответственность не в Боге, не в христианской совести – тогда перед нами в лучшем случае муравейник или пчельник вместо человеческого государства, тогда перед нами царство двуногих животных, может быть, и очень умных, но не нравственно-разумных существ, не людей. Может быть, хотя это «совершенно невѣроятно», в таком муравейнике и будет всем тепло и сытно, но человеческой душе будет холодно и

голодно и бесприютно в этом обещаемом раю [2, с. 575–576].

По мысли митрополита Иоанна (Снычева), религиозно-нравственная основа государственной жизни сегодня почти выпала из общественного сознания, которое зачастую трактует государство лишь как бездушный механизм поддержания примитивного материального благополучия граждан. Результат такого «мировоззренческого убожества» – это то, что само государственное тело, его территория, ресурсы, иные богатства становятся объектом разрушительной, жестокой и беспринципной борьбы политиканов, губительной для державы, разъедающей, как срамная болезнь, внутренности государственного механизма, саму государственную власть во всех ее проявлениях. Если же понимать государство как орудие политической власти в обществе, то, как утверждал митрополит Иоанн, и «лишенная религиозно-нравственных опор, такая власть неизбежно вырождается в голое насилие», и в пример он приводил марксистское представление о государстве как о механизме принуждения и диктатуры одной части народа над другой. Поэтому, по мнению митрополита Иоанна, любое материалистическое понимание государства «всегда сродни тирании». И неважно – осуществляется ли она в интересах партноменклатуры, с помощью кровавых репрессий или в интересах транснациональной финансовой олигархии, с помощью экономического удушения неугодных, поскольку «в обоих случаях ценность нравственных идеалов признается ничтожной, а тоталитарный монстр бесконтрольной власти приобретает самодовлеющее значение» [3, с. 337–338].

В соответствии с церковным учением государство есть большая семья. «Откуда сие множество людей, соединенных языком и обычаями, которое называют народом? Очевидно, что это множество народилось от меньшего племени, а сие произошло из семейства. Итак, в семействе лежат семена всего, что потом раскрылось и возросло в государстве», – писал в XIX в. митрополит Филарет (Дроздов) [4, с. 200]. Отсюда, по мнению митрополита Иоанна (Снычева), исходит понимание общенародного единства как духовного родства, как величайшей драгоценности, столь характерное для русской ис-

тории. Отсюда же стремление русского человека заменить, где только возможно, бездушные правовые нормы нравственными ценностями, теплом сердечных человеческих отношений. «Отсюда – отношение к российской державности как к святыне, ибо семья – «малая церковь» – получает освящение в таинстве венчания супругов, а государство – «большая семья» – в таинстве венчания Царя на царство, на самодержавную власть «во славу Божию» (но не в интересах какого-либо класса или сословной группы)» [3, с. 338–339].

Разъясняя религиозно-нравственную основу государственной жизни, церковная мысль XX в. особо останавливалась на положении Священного Писания, согласно которому государственная власть является Божественным установлением: «Нет власти не от Бога, существующие же власти от Бога установлены» (Рим. 13:1). Протоиерей Иоанн Восторгов по этому поводу писал, что как Бог установил самую первую власть – родительскую в семье, так Он же установил и всякую другую власть в большой семье – в народе. Слово Господне, напоминал он, строго осуждает всякое противление власти. Поэтому анархисты как противники власти суть враги Божии и враги народа, ибо они своею пагубною проповедью приносят ему только гибель. Без всякой власти, без всякого управления на свободе разгуляются насилие, неправда, жестокость, жадность и хитрость, и эта общая война всех против всех сделает жизнь людей звериною; тогда, воистину, несчастьем будет родиться на свете; тогда человек для человека станет волком. «И все-таки нельзя будет обойтись безъ власти: власть тогда останется за сильными и злыми, только власть эта будетъ уже гибельною для людей» [5, с. 508–509].

Из идеи богоустановленности власти церковью всегда с необходимостью делался вывод о том, что и плохие правители также имеют свое назначение свыше: они попускаются Богом в наказание за наши грехи. Вот как, например, эта мысль была выражена в Святославовском сборнике 1075 г.: «Да добре се въдомо, яко ови князи и царіе: достойны таковыя чти, от Бога поставляются; ови же паки, недостойни суще ... по Божію попущенію или хотѣнію поставляются ... Егда узришь недостойна кого или зла царя,

или князя, или епископа, ни чудися, ни Божія Промысла потязай, но разумъй и вѣруй, яко противу беззаконіем нашим тацѣм томителем предаемся» [6, с. 312].

Следуя этому традиционному для Церкви пониманию, протоиерей Иоанн Восторгов указывал, что всегда необходимо помнить, что и правители – люди, а где люди, там всегда и ошибки, и слабости, и пороки. Кроме того, правители «въдь выходятъ изъ нашей же среды; каковы мы, таковы и вышедшіе отъ насъ, назначенные или выбранные представители власти» [5, с. 510]. А митрополит Иоанн (Снычев) пояснял, что власть «всегда от Бога, ибо Он – единственный источник власти во вселенной. Разница в том, что одна власть – по воле Божией, а другая – по попущению, для наказания и вразумления осуетившихся людей. Какая власть нынче, судите сами...» [7, с. 206].

Анализируя слова апостола Павла о необходимости повиновения властям «не только из страха наказания, но и по совести» (Рим. 13:5), церковь в XX в. в первую очередь стремилась дать ответ на вопрос о возможности повиновения той власти, которая Богу противится.

Иеросхимонах Ефрем в этой связи утверждал, что всякое послушание и покорность властям, которые правят не по закону Божию, и уж тем более по принципам противления Богу и отрицания Его власти, есть «подготовка нашей души к приходу антихриста и непротивление ему вольное или невольное». Иными словами, это ведущие в погибель, ложные и небогоугодные послушание и покорность [8, с. 194].

Повиновение власти по совести возможно, когда, как считают епископ Белгородский и Старооскольский Иоанн (Попов), «начальствующие страшны не для добрых, но для злых, ибо начальник есть Божий слуга, тебе на добро и отмститель делающему злое» [9].

А митрополит Иоанн (Снычев) считал, что «за совесть» можно повиноваться только тому, чьи действия и поступки не противоречат этой самой совести. Ведь с христианской точки зрения власть – дело священное, ибо она есть религиозное служение, одно из многочисленных духовных деланий, церковных послушаний, дарованных Богом человеку для спасения души. При таком положении ве-

щей повиновение власти есть повиновение Богу. Но нынешняя власть уж во всяком случае под такое определение не подходит. Какие-то упорядочивающие, конструктивные функции есть и у нее. Их необходимо поддерживать. Что же касается разрушения, развала, раскола страны – всякий честный человек должен воспротивиться этому безумию [7, с. 206–207].

Закономерным итогом данных воззрений стало закрепление в «Основах социальной концепции Русской православной церкви» положения, в соответствии с которым границы лояльности церкви по отношению к государственной власти определяются заповедью Божией проповедовать Христову истину и совершать дело спасения людей в любых условиях, при любых обстоятельствах, поэтому «если власть принуждает православных верующих к отступлению от Христа и Его Церкви, а также к греховным, душевредным деяниям, Церковь должна отказать государству в повиновении» [8, с. 11–12].

ЛИТЕРАТУРА

1. Государство языческое и христианское // Протоиерей Иоанн Восторгов. Полн. собр. соч.: В 5 т. Т. 3. – СПб., 1995.
2. Освящение государства и власти // Протоиерей Иоанн Восторгов. Полн. собр. соч. Т. 3. – СПб., 1995.
3. Митрополит Иоанн. Самодержавие Духа: Очерки русского самосознания. – СПб., 1995.
4. Святитель Филарет Московский (Дроздов). Христианское учение о царской власти и об обязанностях верноподданных // Русская идеология: Православный богословский церковно-монархический сборник. – М., 2000.
5. Пастырский голосъ во дни революціи // Протоиерей Иоанн Восторгов. Полн. собр. соч.: В 5 т. Т. 2. – СПб., 1995.
6. Цит. по: Карташев А.В. История Русской Церкви. Т. 1. – М., 2000.
7. Смирение не есть безволие // Митрополит Иоанн. Одоление смуты: Слово к русскому народу. – СПб., 1995.
8. Русская идеология: Православный богословский церковно-монархический сборник. – М., 2000.
9. Иоанн, епископ Белгородский и Старооскольский. Вне Церкви только бесовщина: Беседа с архипастырем Валентины Сологуб // Советская Россия, 1996, 20 июня.